

— Так что говори, Рэй, нам всем интересно — воскликнул Затара: — Через день после взрыва все получили электронное письмо. И когда я говорю «все», я имею в виду ВСЕХ. От нас, членов совета директоров, до уборщиков. Очевидно, у компании Ревенджер был протокол на случай непредвиденных обстоятельств, о котором никто не знал. Этот протокол не только оплатит все медицинские счета людей, которые пострадали из-за этой ситуации, но и продолжит выплачивать нам зарплату в течение пяти лет, независимо от того, найдем ли мы новую работу.

— Как ты мог этого не знать? Ты же член совета директоров! — воскликнул Джон.

— Я подумал, что, может быть, я чего-то не знаю, а другие знают... Но я разговаривал с Хелен, которая осталась в Индии и собиралась жить там неопределенное время, и она тоже ничего не знала — тяжело вздохнул Рэй, прежде чем продолжить.

— Ребята, многие забывают, что мы - совет управляющих, но мы не владельцы. У нас есть право решать некоторые административные вопросы и так далее, но не все. Есть вещи, которые, даже если бы мы захотели, мы не можем изменить. Например, лекарства и продукты, которые производятся и отправляются в разные уголки мира. Короче говоря, несмотря на то, что центр уничтожен, компания Ревенджер продолжает существовать и будет существовать далее.

— И кто же ее послал?

— Кто послал... что?

— Кто отправил письмо? Должно же быть какое-то имя или что-то в этом роде — логично спросила Айрис, ведь кто-то должен быть ответственен за все это.

— А, его прислал кто-то, кто так же загадочен, как и владелец группы - юрист компании. Он занимается всей юридической частью, и никто его не видел, мы знаем только, что он в Европе, но больше ничего не знаем. Его фамилия Орфай, но больше мы ничего не знаем.

— А Диана... Она едет? — спросил Зеленый фонарь, на его лице появилось выражение сожаления. Он знал, что она все еще расстроена из-за него, но это было неизбежно.

— Нет, она не приедет. Вчера были похороны Эдгара. Она сказала, чтобы я передал Виктору соболезнования — пояснил Рэй.

Из всех присутствующих только он и его жена были на похоронах Эдгара, так как они дружили с ним: — Но она выглядела немного лучше, грустно, но уже лучше.

— А Кларк? — спросил Джон.

— Он немного опаздывал, но сначала заедет к матери, чтобы прийти на мероприятие.

Капитану Атому придется остаться, чтобы договориться обо всех новых сделках, которые нам предстоит заключить из-за этого дела.

— Им нужен был козел отпущения, и, как обычно, они указали пальцем на нас — с горечью в голосе сказал Оливер.

— Ну, не будем об этом. Мероприятие вот-вот начнется, где Виктор? — спросила Шайера.

Дайна тяжело вздохнула и, потирая глаза, ответила: — Он наверху, в комнате отца. Он не хочет выходить. Мари с ним, возможно, нам придется немного отложить начало мероприятия, не думаю, что он скоро спустится.

\_\_\_\_\_●\_\_\_\_\_●\_\_\_\_\_●\_\_\_\_\_●\_\_\_\_\_●\_\_\_\_\_●\_\_\_\_\_●\_\_\_\_\_●\_\_\_\_\_●\_\_\_\_\_

В главной комнате дома находилась комната, где находился доктор Сайлас Стоун. В этой комнате сидел молодой человек, одетый в просторный черный костюм, который, однако, не мешал демонстрировать его роботизированные конечности и лицо. Это был Виктор Стоун, который плакал, глядя на портрет с изображением всей своей семьи. Его отец и мать широко улыбались, а юный Виктор сжимал обе руки, счастливо улыбаясь в камеру. Эту картину можно было описать только как одну большую счастливую семью.

Рядом с Виктором стояла красивая женщина с кожей цвета мокко, глазами цвета меда и полными губами, накрашенными красной помадой. Она была одета в черное облегающее платье, подчеркивающее все ее изгибы, и ее можно было назвать только красивой и элегантной. Ее звали Мари Дживе, или, как ее знали в Лиге, Лисица.

В этот момент она изо всех сил старалась утешить своего друга, но, судя по всему, у нее это не очень хорошо получалось.

— Виктор, ты уже несколько часов смотришь на этот портрет, нам нужно спуститься вниз, скоро начнется мероприятие.

— Он ушел, Мари. Он бросил меня, у меня ничего не осталось... — начал бормотать Виктор, из глаз которого потекли слезы, но его прервали, когда на его лице появилась сильная пощечина.

На мгновение его кибернетическая часть отреагировала и захотела ввести резервный протокол на случай такой атаки, но Виктор отмахнулся от нее. Виктор в недоумении посмотрел на Мари, даже перестал плакать из-за этого.

— Мари... ты ударила меня — сказал Виктор, с недоверием глядя на ее лицо.

Затем он увидел ее руку и увидел, как она начала сильно распухать. Несмотря на свои силы, Мари их не использовала, а кожа Виктора была прочнее, чем у обычного человека, благодаря адаптации, которую дал ему Материнский куб. Она явно повредила руку.

— Ты ранена, я принесу аптечку... — но Мари остановила его, взяв за руки.

— Послушай меня, Виктор, и послушай меня хорошо. Я не знала твоего отца так, как ты, но я уверена, что он никогда бы не захотел, чтобы ты оставался здесь и горевал. Он бы хотел, чтобы ты продолжал жить дальше. Кроме того, ты не один, я здесь, с тобой. А теперь вставай, приводи себя в порядок и пойдем, нас ждут внизу.

Она была права, его отец был человеком, который не любил посредственности. Оставаться и плакать о своих горестях было определением посредственности, ему нужно было двигаться вперед. Кроме того, еще нужно было найти виновного, и он не успокоится, пока не добьется справедливости. В нем зародилось новое чувство.

— Ты права, церемония должна начаться... и Мари.

— Да?

Виктор подошел к ней и быстро поцеловал ее в губы.

— Спасибо — сказал он, улыбнулся и вышел из комнаты.

Мари на мгновение остолбенела: — Он поцеловал меня?... Этот роботизированный идиот, не понимающий намеков, взял на себя инициативу и поцеловал меня? — На лице Мари появился легкий румянец, затем ее лицо изменилось, и она хищно улыбнулась, как охотник, отслеживающий свою жертву.

— О, Виктор, ты не знаешь, с кем связался — и она направилась вниз по лестнице. Она напевала счастливую мелодию.